

Цзинь Сюин сидела в просторном зале семьи Чу, но на ее лице не было и следа счастья.

В зал вошла Чу Сюаньюэ. Выражение ее лица несколько раз изменилось, когда она увидела Цзинь Сюин. Это была ее биологическая мать, но за последние годы она принесла ей больше боли, чем счастья. Поколебавшись некоторое время, она наконец подошла и сказала: "Мама, я вернулась".

В отличие от обычных мам, которые любят своих дочерей, Цзинь Сюин вовсе не выглядела счастливой, увидев Чу Сюаньюэ, которого она не видела более 20 лет. Напротив, на ее лице было выражение отвращения.

В ответ на приветствие дочери она только фыркнула и отвернулась, перебирая в руках молитвенные четки.

Чу Сюаньюэ упоминала, что ее мать была холодной и бесчувственной женщиной. Но сегодня Цинь Хаодун воочию убедился в этом. В его глазах вспыхнул холодный свет.

Чу Сюаньюэ планировала попросить Цинь Хаодуна передать привет ее матери вместе со всеми невестками. Но, увидев ее отношение, она тут же отказалась.

Поскольку Цзинь Сюин была такой холодной, ей не нужно было проявлять к ней излишнюю страсть.

Видя, что атмосфера становится неловкой, Чу Сюаньли сразу же сказала: "Младшая сестра уже вернулась. Давайте все присядем".

К счастью, Чу Шаньхэ была тверда, поэтому остальные с энтузиазмом восприняли возвращение Чу Сюаньюэ. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. Как только они сели, их тут же окружили родственники и двоюродные братья, которые болтали без умолку.

Чу Сюаньюэ, за которой следовали ее невестки, приветствовала женщин семьи Чу и рассказывала о повседневных делах. Все было довольно оживленно, но Цинь Хаодун казался изолированным. С ним сидела только Чу Мингли.

Молодое поколение семьи Чу, возглавляемое Чу Мингконг, очень противились его возвращению. Они насмеялись над ним: "Я не могу позволить себе обидеть тебя, но я могу предпочесть игнорировать тебя. Ты, должно быть, смущаешься, сидя здесь один".

Цинь Хаодун не обращал на них внимания. Он неторопливо наслаждался чаем и закусками. На самом деле, было бы лучше, если бы эти люди не приходили к нему, что избавило бы его от многих проблем.

Время шло, и все больше гостей приходило в семью Чу, чтобы отпраздновать день рождения. Чу Мингли тоже встал, за ним последовал Чу Сюаньли, чтобы поприветствовать гостей. Цинь Хаодун был единственным, кто сидел за обеденным столом.

На лице Чу Минкуна появилась холодная улыбка: "Разве ты не силен? Разве ты не хорош в боевых искусствах? Я могу победить тебя без излишней жестокости".

Но в этот момент эмчээс у двери воскликнул: "Хан Вуджи, мастер семьи Хань, прибыл".

Услышав это имя, все присутствующие были слегка ошеломлены. Обычно на празднование дня рождения главы Семи Великих Семей другие семьи присылали только ученика второго поколения. Мастера редко приходили на праздник лично. Так почему же Хань Вуджи пришел сюда именно сегодня?

Чу Сюаньмин тоже сначала удивился, но потом успокоился и ввел Хань Вуджи в зал.

В окружении множества людей Хань Вуджи вошел в зал и поприветствовал Чу Шаньхэ, сидевшего во главе стола: "Господин Чу, желаю вам долгой жизни".

Чу Шаньхэ не посмел проявить неуважение к хозяину другой семьи. Он встал и сказал: "Господин Хань, это всего лишь мой день рождения. Для меня большая честь видеть вас здесь!"

Хань Уцзи просто поприветствовал его, а затем оглядел толпу.

Чу Сюаньмин поспешил вперед и сказал: "Господин Хань, пожалуйста, займите место за VIP-столом".

Как хозяин другой семьи, Хань Вуджи, безусловно, был одним из самых почетных гостей. По логике вещей, он должен был сидеть за VIP-столом.

Но он проигнорировал Чу Сюаньмина и направился к обычным местам рядом с ним под пристальными взглядами всех присутствующих.

Увидев, что Цинь Хаодун сидит там один, хитрый старик сразу почувствовал подтекст и обрадовался. Хотя Цинь Хаодун вернулся в семью Чу, их отношения не были такими уж гармоничными.

Это была хорошая новость для других семей. Если семья Чу получила поддержку секты Тан, то что еще их ожидает.

Причина, по которой он пришел сюда, чтобы лично отпраздновать день рождения Чу Шаньхэ, заключалась в том, чтобы сблизиться с Цинь Хаодуном. Похоже, это была отличная стратегия.

"Господин Цинь, посчастливится ли мне сидеть с вами?"

Цинь Хаодун посмотрел на Хань Вуджи. В конце концов, этот человек был дедом Хань Цзеюя, и он всегда хорошо ладил с сектой Тан. Поэтому он кивнул, указал на место рядом с собой и сказал: "Конечно!".

Получив согласие Цинь Хаодуна, Хань Уцзи с радостью сел рядом с ним.

Сидящий на главном месте Чу Шаньхэ был раздражен этим зрелищем. Младшие поколения семьи Чу были действительно ни на что не годны. Он приложил немало усилий, чтобы пригласить Цинь Хаодуна на вечеринку, но они даже не осознавали, насколько важен этот молодой человек в столице.

Если бы молодое поколение его семьи собралось вокруг Цинь Хаодуна, Хань Уцзи не смог бы отогнать их и поговорить с ним. Но теперь все преимущества получил Хань Уцзи.

В этот момент появились Ци Гофань и Чжао Цаньцун, хозяева семей Ци и Чжао. После простого приветствия они радостно уселись рядом с Цинь Хаодуном.

Через некоторое время все мастера из семи великих семей столицы были здесь, но остальные шесть собрались вокруг Цинь Хаодуна. Они окружили его и разговаривали с ним, как звезды вокруг луны, но Цинь Хаодун лишь безразлично отвечал.

Глупые представители младшего поколения семьи Чу также поняли, что мастера из остальных шести семей собрались здесь не для того, чтобы отпраздновать день рождения. Вместо этого они пытались угодить Цинь Хаодуну.

Лицо Чу Шаньхэ омрачилось. Он изо всех сил старался пригласить Чу Сюаньюэ и ее сына, чтобы доказать остальным шести семьям свои хорошие отношения с сектой Тан.

Но все его усилия оказались напрасными. Остальные шесть мастеров должны были понять, что отношения между семьей Чу и сектой Тан не были такими уж гармоничными.

Но альтернативы не было. В конце концов, это был его день рождения, и гости были здесь. Он мог только усмехаться, терпеть и ждать окончания вечеринки, чтобы преподать урок этим невежественным молодым поколениям.

Самодовольство на лице Чу Минкуна исчезло. Он хотел увидеть, как Цинь Хаодун будет опозорен и унижен. Но теперь, когда вокруг него собрались мастера из других шести семей, он стал звездой вечеринки.

С прибытием гостей наступило время вечеринки. Затем молодое поколение должно было преподнести старику подарки ко дню рождения. Эмчеэс воскликнул: "Для меня большая честь приветствовать сыновей и внуков семьи Чу, которые преподнесут свои подарки".

Согласно порядку, первым должен был преподнести подарки старший сын. Чу Сюаньли был хорошо подготовлен. Он взял в руки большую красную коробку с подарками и сказал: "Отец, сегодня твой день рождения. Я желаю тебе удачи и долгой жизни".

Член семьи, стоявший рядом с ним, сразу же шагнул вперед и взял коробку с подарком. Но вдруг Чу Сюаньмин, стоявший рядом с ним, сказал: "Брат, разве мы не должны открывать наши подарки на публике и показывать наше сыновнее благочестие гостям?".

Чу Сюаньли на мгновение замешкался и сказал: "Ну что ж, это мой подарок".

Затем он открыл коробку, и внутри оказался нефритовый Будда.

Нефритовый Будда был высотой около 20 сантиметров. Он был сделан из тонкого нефрита с бараньим жиром и выглядел кристально чистым. Увидев его, они поняли, что это, должно быть, драгоценность.

Гости сразу же начали обсуждать нефритового Будду.

"Семья Чу действительно впечатляет. Их сын преподнес в подарок нефритового Будду! Это действительно необычно!"

"По моему мнению, этот нефритовый Будда стоит не меньше нескольких миллионов юаней..."

"О чем ты говоришь? Такой большой нефритовый Будда из бараньего жира должен стоять не менее десяти миллионов..."

Чу Шаньхэ удовлетворенно кивнул. Он был явно доволен подарком сына.

После демонстрации семья убрала нефритового Будду. Настала очередь второго сына, Чу Сюаньмина, преподнести подарок. Все смотрели на него с большим интересом. Им было интересно узнать, что за подарок он преподнес.

"Принесите его".

Чу Сюаньли махнул рукой, и Чу Минконг тут же подошел к двум членам семьи, которые несли огромную коробку с подарком. Она казалась очень тяжелой.

Под недоуменными взглядами собравшихся Чу Сюаньмин открыл коробку, внутри оказался нефритовый Будда. Но этот был высотой 50 сантиметров и по качеству и размеру превосходил Будду Чу Сюаньли.

Гости удивленно воскликнули: "Боже мой, какой большой нефритовый Будда! Он, наверное, очень дорогой..."

"Ого, второй сын такой щедрый. Такой большой кусок нефрита стоит более ста миллионов юаней, не говоря уже о мастерстве, которое ему нужно".

"Этот нефритовый Будда так красив. Это определенно сокровище..."

Услышав похвалу, Чу Сюаньмин с гордостью сказал: "Отец, сегодня твой 80-й день рождения, поэтому я уже три года назад попросил кого-нибудь найти кусок хорошего нефрита. Я пригласил известного мастера, чтобы он вырезал для тебя нефритового Будду в качестве подарка на день рождения. Наша семья Чу будет овеяна светом Будды. Ты также будешь здоров и проживешь еще тысячу лет!"

"Молодец! Молодец!"

На лице Чу Шаньхэ появилась сияющая улыбка. Очевидно, он был очень доволен подарком своего второго сына.

Лицо Чу Сюаньли мгновенно потемнело. Он был честным человеком, но не глупым. Чу Сюаньмин выбрал такой же подарок, как и он, и предложил показать его на публике. Было очевидно, что он хотел принизить его на дне рождения.

Чу Сюаньмин повернул голову и с триумфом сказал: "Брат, мне очень жаль. Я забыл обсудить это с тобой раньше. Смотри, наши подарки почти одинаковые!".

В последние дни, с ростом культивации Чу Сюаньли, его статус в семье становился все выше. Было очевидно, что он уступает Чу Сюаньли.

Он тщательно спланировал сегодняшний подарок. Он знал, что Чу Сюаньли приготовил нефритового Будду, поэтому специально попросил кого-нибудь сделать статую Будды побольше и лучше. Его целью было прилюдно унижить брата.

Чу Сюаньюэ, стоявшая рядом с ним, тайно покачала головой. Спустя столько лет ее второй старший брат все еще любил разыгрывать людей. Он даже не дал старшему брату шанса.

Он только что унижил старшего брата, поэтому Чу Сюаньюэ подумала, что следующей будет она. Она повернулась и спросила Цинь Хаодуна: "Сынок, ты приготовил наши подарки?".

Цинь Хаодун слегка улыбнулся и сказал: "Не волнуйся. Я обо всем позабочусь. Я не подведу тебя".

Как только они закончили говорить, Чу Сюаньмин обернулся и посмотрел на Чу Сюаньюэ со злобной улыбкой: "Младшая сестра, теперь твоя очередь показать свою сыновнюю почтительность".

Посмотрев на Чу Сюаньюэ и Цинь Хаодуна, которые ничего не держали в руках, он притворился удивленным и сказал: "Младшая сестра, сегодня у отца 80-летие. Ты приготовила

какие-нибудь подарки?"

Чу Сюаньюэ выглядела смущенной и обратилась за помощью к Цинь Хаодуну.

Цинь Хаодун утешительно посмотрел на мать, шагнул вперед и сказал Чу Сюаньмин: "Ты хочешь сказать, что мы не проявляем сыновней почтительности, если не приготовили подарок для бабушки?"

"Неужели бабушка такой жадный до денег человек? Неужели он различает сыновнюю почтительность своих детей по размеру подарков?"

"Ну..."

Чу Сюаньмин очень хотел улучшить свое положение в семье с помощью нефритового Будды, которого он тщательно подготовил. Но сейчас он был смущен и не знал, что сказать.

Если он признает правоту Цинь Хаодуна, то его дар будет напрасным. Если же он отрицал это, то это означало, что его отец был жадным.

В это время Цзинь Сюин, сидевшая рядом с Чу Шаньхэ, фыркнула и сказала: "Ты действительно остро слов. Конечно, наша семья Чу не различает сыновнюю почтительность по подаркам. Но по этикету положено дарить подарок старшему на день рождения. Если ты не приготовил подарок, то просто заткнись и перестань нести чушь".

<http://tl.rulate.ru/book/23213/2984166>